

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470)“16/18”

О. Н. Мухин

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСКУЛИННОГО ОБЛИКА РОССИЙСКОГО МОНАРХА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются изменения в способах маскулинной репрезентации, проявившиеся в облике Петра I, в сравнении с типичными стандартами, принятыми в допетровской России и в современной ему Европе. Прослеживается влияние указанных изменений на дворянство, а также связь форм их распространения с общей стилистикой петровских преобразований.

Ключевые слова: *Петровская эпоха, гендер, маскулинность, элита.*

В рамках гендеристики, при всей ее популярности, существует целый ряд проблем. Во-первых, очевиден перекос в сторону женских исследований, связанный с устойчивым представлением, выработанным феминистической теорией о существующем обществе и его истории как мужских по преимуществу. Во-вторых, авторами большинства статей, связанных с проблемой гендера, являются антропологи, философы, социологи, психологи, поэтому обычно речь идет об изложении теоретических положений гендеристики либо о современном состоянии гендерных проблем.

Имеющие все же место гендерные исследования по отечественной истории чаще всего обращаются к периоду XIX–XX вв. Раннее Новое время если и попадает в поле зрения гендерологов, то, как правило, лишь в рамках более широких обзоров (см.: [1]). Исключения крайне редки. К таковым, например, относится зарубежный сборник «Russian Masculinities in History and Culture», часть статей которого посвящена XVIII в. (см. его критический разбор: [2]).

С. Ушакин в своей рецензии на этот сборник делает ряд критических замечаний. Во-первых, авторы статей рассматривают специфику российских типов маскулинности в сравнении их с Европой как некой идеальной моделью [2, с. 236–237]. Во-вторых, отечественный исследователь сомневается в правомочности переноса выводов, сделанных на «столичном» материале, на Россию в целом [2, с. 247–248]. Весьма показательной в этом смысле является фигура Петра I, известного своей проевропейской культурной ориентацией: это тот редкий случай, когда один человек отражает сложные общественные изменения, многие из которых он сам и инициировал. Будучи радикальным реформатором, Пётр в том числе являл собой

пример коренной ломки образа маскулинности, начатого им в отношении самого себя и ставшего определяющим для российской элиты, по крайней мере, до середины XIX в. В этой статье будет рассмотрена лишь одна составляющая этого образа – мужская внешность, являющаяся важной составляющей маскулинности (о других сторонах гендерного образа Петра см.: [3]).

В нашем распоряжении имеется два типа отзывов о внешности Петра. Один, крайне критический, в основном содержащийся в поздних текстах (см., напр., у И. Л. Солоневича: «Тело было огромным, нечистым, очень потливым, нескладным, косяпым, тонконогим, проеденным алкоголем, табаком и сифилисом...» [4, с. 674]. Другой, подчеркивающий его внешнюю привлекательность, чаще всего встречается в свидетельствах современников-иностранцев на протяжении всей жизни царя-реформатора (секретарь шведского посольства Кемпфер писал в 1683 г.: «Лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех предстоявших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских» [цит. по: 5, с. 24]; по отзыву герцога де Ришелье, наблюдавшего царя в зрелом возрасте, «Пётр I был высок, весьма хорошо сложен, довольно сухощав...» [6, с. 9]).

Противоречия в оценках внешности Петра, как и его личности и деятельности, в целом связаны с тем, какую позицию занимал тот или иной автор высказывания в отношении его европеизаторской деятельности.

Безусловно, облик Петра соответствовал именно западным канонам. На Руси традиционно красивым считался мужчина дородный и статный (таким являлся, например, Алексей Михайлович,

обладавший привлекательностью в глазах его подданных, страдая, при этом, от избыточного веса). Нельзя забывать и о бороде, отсутствие которой делало мужчину в глазах окружающих похожим на собаку или кота (при наличии усов) [7, с. 262]. Пётр, как известно, бороды не носил никогда, ограничиваясь усами. Что касается его телосложения, то, на современный взгляд, оно выглядело достаточно нескладным (на это, кстати, указывают петербургские экскурсоводы при демонстрации костюмов царя-реформатора), так как при росте 204 см. размер его кафтанов – 48-й. Однако по меркам тогдашней европейской моды Пётр был сложен вполне пропорционально (на что и указывал герцог де Ришелье). Дело в том, что в аристократической среде эпохи абсолютизма прекрасным считалось тело «которое не пышет силой. Оно не тренировано, а холено, нежно и хрупко, или, как тогда предпочитали выражаться, грациозно» [8, с. 159]. Конечно, Пётр известен своей недюжинной физической силой, приобретенной в ходе увлечения физическим трудом. Однако при этом, судя по знаменитой восковой «персоне», руки его обладали длинными и тонкими пальцами, скорее «грациозными», нежели «натруженными». Кроме того, как отмечал Э. Фукс, в краткий период пика господства абсолютизма, примерно между 1680 и 1700 гг. красивой считалась величественная фигура, демонстрировавшая силу, даже сверхсилу, но лишь в качестве позы, актерской игры [8, с. 159–160]. Так что вполне понятна привлекательность внешности Петра, сочетавшей основные востребованные черты эпохи (и изящную subtilность, и величественную силу) в глазах европейской рафинированной публики.

При этом следует отметить, что петровский стиль мужской репрезентации, имея много общего с господствующей тогда европейской «элитарной» моделью, включал в себя элементы маскулинных черт европейского мастерового люда, в среде которого любил вращаться царственный плотник (Пётр предпочитал скромное платье, не носил парики, любил грубые шутки, при курении использовал трубки из дешевых материалов и т. д.).

Но и в самой Европе далеко не все монархи полностью следовали неким общим стандартам. Идеалом монарха и мужчины на троне в начале Нового времени являлся Людовик XIV. Его племянница, влюбленная в короля, так рисовала его портрет: «Рост этого монарха настолько превышает рост других, как его происхождение и внешность. Видно, что он знатен, что у него гордое, благородное, смелое и приятное лицо с очень мягким и величественным выражением. У него замеча-

тельные, красивого цвета волосы, и они удивительно красиво завиваются. У него красивые ноги, красивое телосложение, прекрасная осанка; наконец если все свести воедино, то это самый красивый мужчина в королевстве» [9, с. 96]. (В этой характеристике отчетливо прослеживаются следы средневековых стереотипов, согласно которым физическая красота являлась родовым признаком знати.)

Однако Карл XII, личность весьма популярная в Европе на рубеже XVII–XVIII вв., не менее Петра I славился своей «эпатажностью» в саморепрезентации. Современников удивляла его привычка ходить без парика, без которого тогда нельзя было представить не только короля, но и рядового дворянина. Карл коротко стриг волосы и зачесывал их назад, при этом с кем бы ни говорил, хоть с генералом, хоть с рядовым, в любую погоду стоял с непокрытой головой, держа шляпу под мышкой [10, с. 118–119]. Британский дипломат Т. Уэнтворт оставил интересную характеристику Карла XII, относящуюся к 1707 г.: «Он высок ростом и статен, но крайне неопрятен и неряшлив. Его манеры более грубы, чем можно было ожидать от столь молодого человека... Волосы у него светло-русые, очень салные и очень короткие, и он никогда не расчесывает их иначе, чем пальцами. За стол садится без всяких церемоний на первый попавшийся стул и начинает, засунув предварительно салфетку под подбородок, с большого куска хлеба с маслом. Затем он, набитый пищей ртом, пьет «свагдрикку» (сорт слабого пива. – *О. М.*) из большого старомодного серебряного кубка... За каждой трапезой он выпивает по две полные бутылки... Каждый раз перед очередным кусочком мяса он откусывает от хлеба с маслом, которое размазывает по ломтю большими пальцами... Он ест, как конь, и не произносит ни единого слова за все время еды... Он очень видный мужчина, прекрасного роста, с тонкими чертами; в его лице нет ничего жесткого... Он весьма любознателен и упрям...» [10, с. 219].

Так что дело не только в склонности Петра к физическому труду. Свобода в саморепрезентации, видимо, была отчасти отражением авторитарных черт властителей этого исторического периода, к которому принято применять спорное понятие «абсолютизма» (заметим, что символ абсолютизма – Король-Солнце – как раз с тщанием следовал нормам и стереотипам придворной культуры, как и германский император, хозяин Венского двора, тогда как представители менее «рафинированных» обществ, к которым помимо России можно отнести и Швецию, позволяли себе «экспериментировать») (критику концепции абсолютизма см.: [11]).

Разнообразие и неустойчивость маскулинных стереотипов властной элиты того времени порождались переходным характером самой эпохи. «Образцовый» Людовик XIV на самом деле был одним из провозвестников наиболее рафинированного варианта монаршей маскулинности, воплощенной в образе короля придворного общества, призванной сменить более грубую версию короля-воителя средневековья. Р. С. Уортман отмечает, что в XVII в. триумфы, демонстрировавшие харизму завоевателя, уходят в прошлое (яркий пример трансформации – въезд Короля-Солнца в Реймс, который он проделал не верхом на коне, как это делали все его предшественники в аналогичных случаях, а в карете [12, с. 38–39]), «а главной сценой для королевских церемоний стали зал и дворец» [12, с. 34–35]. Казалось бы, пример английского коллеги-современника Петра Георга I подтверждает это наблюдение – он никоим образом не отличался личной воинственностью, как и последующие правители страны, в отличие от его предшественника Вильгельма III, прославившегося как полководец.

Однако мы можем наблюдать массу иных примеров, подтверждающих незавершенность этого перехода. Помимо Карла XII особенно много таких дает нам германский мир, столь пестрый в своем политическом полицентризме. Так, приятель и союзник царя Август Сильный, саксонский курфюрст и польский король, постоянно находился при войске, хотя обожал и придворные увеселения (кстати, как и Пётр, он славился своей недюжинной физической мощью). В новоявленном королевстве Прусском милитаризация монаршей власти в XVIII в. будет только нарастать. Дело в том, что Германия, в особенности ее северные области, в значительно меньшей степени испытывавшая античное влияние, оказывавшее «рафинирующее» воздействие, сохраняла большую устойчивость черт традиционной, даже архаической ментальности. Крайнюю версию таких «пережитков» демонстрировали как раз шведские монархи каролинской эпохи и в особенности Карл XII – «король-викинг». Однако после смерти Карла и во многом в связи с неудачностью его воинских деяний и Швеция вступает на путь, проторенный более «цивилизованными» державами.

Что касается Петра, то его маскулинный облик, как и идентичность в целом, имел комбинированный характер. Несмотря на то, что для русского царя военная составляющая должностной харизмы не являлась столь же значимой, как для европейских королей средневековья, являвшихся представителями дворянства, сословия, во-

енного по преимуществу, для него образ воина-победителя был очень важен, будучи, однако, лишь одной из составляющих. Каковы же другие элементы?

Л. А. Черная считает идеальным образцом представителя элиты (которому соответствовал и сам Пётр) тип «политичного кавалера» (понятие «политичности» являлось синонимом «культурности» и было завезено в Россию, по-видимому, первыми волонтерами, посланными обучаться за границу, а также малороссийскими учеными-монахами) [13, с. 142]. В источниках нет примеров применения Петром к самому себе этого определения, однако основные его характеристики с очевидностью считались им важнейшими: образованность, любовь к науке, бесстрашие и отвага воина, честность и достоинство гражданина как «сына Отечества», преданность «общему благу» и «всеобщей пользе», политес в обращении с дамами, музыкальность. Таковым рисовался и образ царя на триумфальных арках и в похвальных речах [13, с. 144]. Безусловно, этот образ подразумевал и соответствие европейским стандартам внешности.

Здесь следует подчеркнуть, что способы собственной репрезентации Петра менялись со временем. В связи с его в целом успешной преобразовательной деятельностью (имеется в виду ее главная цель – превращение России в великую державу), царь-реформатор все более приближался по своему облику к «нормальному» европейскому монарху. В последние годы его жизни очевидцы неоднократно отмечали факты появления Петра на публике в богатом одеянии. Так, на коронации его супруги Екатерины, состоявшейся в 1724 г., император был облачен в голубой летний кафтан, расшитый серебром, красные чулки и шляпу с белым пером [14, с. 266]. Несмотря на замечание А. Нартова, утверждавшего, что «сей кафтан в удобность супруги своей надел государь на себя только во время празднества коронации и после никогда его не надевал, почитая оный неприличною себе одеждою, ибо обыкновенно носил гвардейский мундир или флотский» [15, с. 112], этот случай вовсе не был уникальным. Так, за год до этого знаменательного события Пётр приветствовал «возвращавшихся послов элегантно одетым, сидя в модной карете» [12, с. 92]. Через несколько недель после коронации, по свидетельству Ф.-В. Берхгольца, принимая поздравления с днем Св. Троицы, «император был опять одет очень щеголевато, т. е. был в красном с серебряным шитьем кафтане, который хотя и украшался, по французской моде, большими отворотами, но сверху, около шеи, все-таки имел маленький шведский воротник, не-

обходимый для всех кафтанов его величества» [14, с. 233].

Вообще, следует скорректировать устойчивые представления о скромности царя-реформатора в быту. Комментируя известную легенду о том, как Пётр сам тачал себе башмаки, Е. В. Анисимов возражает, что на самом деле царь предпочитал ходить во фламандской обуви [16, с. 275]. То же самое касалось и одежды. Нижние фуфайки и сорочки государя шились, как правило, из тонкого полотна и нежного батиста, украшенного вышитыми цветами. В домашней обстановке он носил длинные халаты-шлафоры, сшитые из китайских, итальянских или французских тканей. Под влиянием французских впечатлений в гардеробе Петра появились элегантные кафтаны из коричневого репса с черными бархатными обшлагами и довольно заметными воротниками, а также изысканные комплекты верхней одежды из бархата красного и горохового цвета [17, с. 121].

Вслед за своим государем российское дворянство приобщается к западным способам мужской репрезентации, в том числе к курению, брадобритию и ношению европейской одежды (хотя, конечно, предпосылки для этого были и до петровских преобразований). Процесс этот занял весьма долгое время и пережил преобразователя. Декреты о перемене платья издавались Екатериной I в 1726 г. и Елизаветой Петровной в 1743 г., причем в первом обращалось внимание властей, что офицеры и унтер-офицеры в увольнении или в отставке разгуливают с бородами и в старой русской одежде. За непослушание следовали штрафы, для унтеров битье, а для офицеров денежный штраф и в четвертый раз (значит, такое бывало!) лишение дворянских прав. Опись имущества княгинь А. Г. и И. А. Долгоруких в 1730 г. после провала «затейки верховников» выявила большое количество «дореформенной» одежды, и мужской, и женской [18, р. 286].

А. Б. Каменский приводит несколько примеров пристрастия к старине из жизни провинциального Бежецка 40–50-х гг. XVIII в. Купец С. Г. Бурков в 1748 г. был замечен «в русском кафтане и без галстука» и с бородой, постриженной ножницами, а не бритвой. Еще двое купцов ходили по городу «в бороде, без штанов немецких, в портах и без галстуков». Сотский Филип Петров сын Кобылин, пятидесятский Козьма Назаров сын Петухов, купец

Леонтий Иванов сын Хлопалов «ходят соцкой – без галстука и в лаптях, а Хлопалов – в бороде и без галстуков» (правда, выяснилось, что последний не брил бороду по болезни) [19, с. 190]. Но, тем не менее, хотя нельзя утверждать, что Пётр оставил после себя европеизированную Россию, он породил устойчивую тенденцию прирастания европейской цивилизованности в среде дворянства, которое официально к бороде и «русскости» вернется только в середине XIX в., при этом не отказавшись от ориентации на западный опыт (первым русским монархом, отрастившим бороду, стал Александр III, носил бороду и его сын, ставший последним императором).

Таким образом, трансформация маскулинного образа монарха, и в том числе его внешности, отражала изменения, происходившие в целом в социокультурной сфере в эпоху преобразований. Вместо отдаленной от простых смертных сакральной фигуры, появлявшейся на людях лишь в торжественном облачении и в рамках сложных церемоний, отличавшейся благообразием, выраженным в (желательно) полноте, статности и густой растительности на лице, Пётр явил собой государя, близкого европейским стандартам – худощавого, безбородого, одетого в практичное, в конце жизни часто парадного фасона платье европейского покроя, легко доступного для подданных. Придя к этому варианту саморепрезентации в результате личного выбора (пройдя при этом через переходную стадию метаний и неопределенности¹, а также через стадию авторского конструирования, когда царственный плотник предпочитал простую мастеровую одежду, либо военные мундиры) царь-реформатор в приказном порядке требовал его принятия от своего окружения. И так же, как и все его начинания, изменение мужского облика российской элиты, несмотря на имевшее место пассивное сопротивление, прижилось и стало привычным более чем на сто лет.

В заключение следует оговориться, что высказанные в статье замечания носят предварительный характер и требуют дальнейшей тщательной разработки с привлечением более широкого материала (касающегося не только Петра лично, но и широких масс российского дворянства, а также, для сравнения, и женщин – представительниц царской семьи и элиты в целом).

В день приема послов Генеральными штатами Пётр оделся по-европейски, как придворный кавалер: на нем был синий с золотом костюм, белокурый парик и шляпа с белым пером [20, с. 320]. Однако позднее в Англии, напротив, при посещении Вильгельмом III апартаментов, отведенных Петру и его свите, царь был одет в московское платье [7, с. 210].

Список литературы

1. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя: АНО «Женский проект СПб», 2007. 496 с.
2. Ушакин С. А. Поле пола. Вильнюс: ЕГУ; Москва: ООО «Вариант», 2007. 320 с.
3. Мухин О. Н. «Царь наш Пётр Алексеевич свою царицу постриг, а живет блудно с немками...»: гендерный облик Петра I в контексте эпохи // Вестн. Томского гос. ун-та. 2011. Вып. 353. С. 117–124.
4. Пётр Великий: pro et contra / предисл. Д. К. Бурлаки, Л. В. Полякова; послесл. А. А. Кара-Мурзы; библиогр. указ. К. Е. Нетужилова. СПб., 2001. 760 с.
5. Павленко Н. И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.
6. Пребывание Петра Великого в Париже. Из записок герцога де Ришелье // Телескоп. 1831. Ч. 2, № 5. С. 3–23.
7. Брикнер А. Г. История Петра Великого. М.: ООО «Фирма СТД», 2007. 640 с.
8. Фукс Э. История нравов / пер. с нем. В. М. Фриче. Смоленск: Русич, 2010. 544 с.
9. Блюш Ф. Людовик XIV / пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова; науч. ред. В. Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
10. Григорьев Б. Н. Карл XII, или пять пуль для короля. М.: Молодая гвардия, 2006. 550 с.
11. Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2013. Вып. 2 (130). С. 142–149.
12. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Материалы и исследования: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра I до смерти Николая I. 608 с.
13. Черная Л. А. Пётр I как образец «политического кавалера» // Пётр Великий и его время: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 290-летию Полтавской победы. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. С. 142–145.
14. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 3–4 // Юность державы. М., 2000. С. 9–324.
15. Рассказы Нартова о Петре Великом // Пётр Великий: Предания. Легенды. Анекдоты. Сказки. Песни / сост., подгот. текста, вступ. ст. и прим. Б. Н. Путилова. СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2008. С. 101–125.
16. Анисимов Е. В. Царь и город: Петровский Петербург. СПб.: Норинт, 2004. 320 с.
17. Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М.: Молодая гвардия, 2010. 443 с.
18. Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven: Yale University Press, 1998. 602 p.
19. Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2007. 403 с.
20. Масси Р. К. Пётр Великий: в 3 т. / пер. с англ. Н. Л. Лужецкой; общ. ред. Н. Ф. Роговской. Смоленск: Русич, 1996. Т. 1. 464 с.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 30.12.2013.

O. N. Mukhin

MASCULINE IMAGE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN MONARCH IN THE PETRINE ERA: STATEMENT OF THE PROBLEM

In the article changes in the way of masculine representation, manifested in the figure of Peter I, in comparison with the typical standards, adopted in the pre-Petrine Russia and in contemporary Europe, is considered. Effects of these changes on the nobility, as well as forms of communication of their distribution to the general styling of the Petrine reforms, is observed.

Key words: *Petrine era, gender, masculinity, elite.*

References

1. Pushkarev N. L. *Gender theory and historical knowledge*. St. Petersburg, Aleteya; Zhenskiy proekt SPb Publ., 2007. 496 p. (in Russian).
2. Ushakin S. A. *Field of sex*. Vilnius, European Humanities University Publ.; Moscow, Vsrinst Publ., 2007. 320 p. (in Russian).
3. Mukhin O. N. "Our King Peter vows his tsarina, and lives in fornication with a German women...": gender image of Peter I in the context of the era. *Tomsk State University Bulletin*, 2011, no. 353, pp. 117–124 (in Russian).
4. *Peter the Great: pro et contra*. Foreword D. K. Boatmen, L. Polyakov; afterword A. A. Kara-Murza. St. Petersburg, 2001. 760 p. (in Russian).
5. Pavlenko N. I. *Peter the Great*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (in Russian).
6. Peter the Great stay in Paris. From the notes of the Duck de Richelieu. *Telescope*, 1831, vol. 2, no. 5, pp. 3–23 (in Russian).

7. Brickner A. G. *History of Peter the Great*. Moscow, Firma STD Publ., 2007. 640 p. (in Russian).
8. Fuchs E. *The history of manners*. Smolensk, Rusich Publ., 2010. 544 p. (in Russian).
9. Bluche F. *Louis XIV*. Moscow, Lodomir Publ., 1998. 815 p. (in Russian).
10. Grigoriev B. N. *Karl XII, or five bullets for King*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2006. 550 p. (in Russian).
11. Mukhin O. N. Absolutism vs autocracy: returning to the definition to the concepts. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 2 (130), pp. 142–149 (in Russian).
12. Wortman R. S. *Scenarios of Power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy*. Materials and Research: 2 vol. Moscow, OGI Publ., 2002, vol. 1: From Peter I to the death of Nicholas I. 608 p. (in Russian).
13. Chornaya L. A. *Peter I as a model of "politic gentleman"*. *Peter the Great and His Time: Materials of All-Russian scientific conference devoted to the 290th anniversary of the victory at Poltava*. St. Petersburg, Istoricheskaya Illustratsiya Publ., 1999. Pp. 142–145 (in Russian).
14. Bergholtz F.-W. *Diary of the bedchamber Frederick William Bergholtz. 1721–1725*. Ch 3–4. *Youth of State*. Moscow, 2000. Pp. 9–324 (in Russian).
15. Nartov's stories about Peter the Great. *Peter the Great: Tradition. Legends. Anecdotes. Tales. Songs*. Comp. B. N. Putilov. St. Petersburg, Univ. House "Azbuka – klassika" Publ., 2008. Pp. 101–125 (in Russian).
16. Anisimov E. V. *Tsar and the city: Petrine Petersburg*. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 320 p. (in Russian).
17. Naumov V. P. *Everyday life of Peter the Great and his companions*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2010. 443 p. (in Russian).
18. Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, Yale University Press, 1998. 602 p.
19. Kamensky A. B. *Daily of Russian urban inhabitants: Historical anecdotes of XVIII century provincial life*. Moscow, RGGU Publ., 2007. 403 p. (in Russian).
20. Massey R. K. *Peter the Great*: 3 vol. Smolensk, Rusich Publ., 1996. Vol. 1. 464 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: himan1@rambler.ru